

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ АНТРОПОНИМОВ В УЗБЕКСКОЙ И
РУССКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Хатамова Камила Тимуровна

*магистрантка института центральных языков Азии при Самаркандском
государственном университете имени Ш. Рашидова. Specific Features of Anthroponym
Perception in Uzbek and Russian Linguocultural Traditions*

Khamitova Kamilah Timurovna

*Master's student of the Institute of Central Asian Languages at Samarkand State
University named after Sh. Rashidov*

Аннотация: *В работе рассматривается ассоциативное восприятие личных имён носителями узбекского и русского языков как важный компонент языкового сознания. На основе эмпирического исследования, проведённого с использованием ассоциативного эксперимента, выявлены особенности интерпретации антропонимов в разных лингвокультурах. Установлено, что характер ассоциативных реакций зависит от культурной принадлежности имени и степени его освоенности в языковом опыте носителей.*

Результаты анализа показали, что при восприятии имён родной культуры доминируют ассоциации, связанные с личностными характеристиками и эмоциональной оценкой, тогда как при восприятии имён другой культуры возрастает роль реакций, отражающих национальную и культурную идентификацию. Выявлены основные типы ассоциаций: личностные, культурные, эмоциональные, социальные и фонетические.

Особое внимание уделено влиянию семантической прозрачности имени, его частотности, фонетической формы и индивидуального опыта носителей на формирование ассоциативных реакций. Установлено, что ассоциативное поле имени формируется под воздействием как коллективных представлений, закреплённых в культуре, так и личного опыта индивида.

Полученные результаты подтверждают многокомпонентный характер восприятия личных имён и позволяют глубже понять механизмы взаимодействия языка и культуры в сознании человека.

Ключевые слова : *личные имена, антропонимы, ассоциативное восприятие, языковое сознание, лингвокультура, межкультурная коммуникация, когнитивные процессы, семантика имени, ассоциативный эксперимент, культурный код*

Abstract : *The paper explores the associative perception of personal names among Uzbek and Russian speakers as a significant component of linguistic consciousness. Based on an empirical study using an associative experiment, the research identifies specific features of interpreting anthroponyms in different linguocultures. It is established that associative*

responses depend on the cultural origin of the name and the degree of its familiarity within the speaker's linguistic experience.

The findings demonstrate that native names tend to evoke associations related to personal traits and emotional evaluation, while foreign names are more often associated with cultural and national identity. The study identifies several main types of associations, including personal, cultural, emotional, social, and phonetic ones.

Special attention is given to factors influencing associative perception, such as semantic transparency, frequency of use, phonetic characteristics, and individual experience. The research shows that associative fields of names are shaped by both collective cultural representations and personal experience.

The results confirm the complex and multidimensional nature of name perception and contribute to a deeper understanding of the interaction between language and culture in human cognition.

Keywords : *personal names, anthroponyms, associative perception, linguistic consciousness, linguoculture, intercultural communication, cognitive processes, name semantics, associative experiment, cultural code*

Ассоциативное восприятие личных имён представляет собой важный компонент языкового сознания, отражающий особенности когнитивных и культурных процессов, характерных для носителей определённой лингвокультуры. В рамках проведённого эмпирического исследования ассоциативный эксперимент позволил выявить характерные реакции на личные имена у носителей узбекского и русского языков, а также установить сходства и различия в их интерпретации.

Анализ полученных данных показал, что ассоциативные реакции можно условно разделить на несколько основных групп. К ним относятся характеристики личности, культурная и национальная принадлежность, эмоциональная оценка, социальные роли, а также фонетические и внешние особенности. При этом распределение этих типов ассоциаций различается в зависимости от того, является ли имя родным для испытуемого или относится к другой лингвокультуре.

Наиболее выраженной группой ассоциаций у носителей родного языка являются характеристики личности. Так, при восприятии имени «Александр» русскоязычные испытуемые давали реакции «сильный», «уверенный», «лидер», «надёжный», что свидетельствует о наличии устойчивого ассоциативного стереотипа. Аналогично, имя «Бекзод» у узбекоязычных участников вызывало ассоциации «уверенный», «сильный», «уважаемый», «лидер». Это позволяет говорить о том, что в рамках родной культуры личные имена тесно связаны с представлениями о личностных качествах.

В то же время при восприятии имён другой лингвокультуры преобладают ассоциации, связанные с национальной и культурной принадлежностью. Например, имя «Дилшод» у русскоязычных испытуемых чаще вызывало реакции «узбек», «восток», «иностранный», тогда как узбекоязычные участники ассоциировали его

TANQIDIY NAZAR, TAHLILIY TAFAKKUR VA INNOVATSION G'UYALAR

с «радостью», «доброта», «открытость». Аналогично, имя «Сергей» у узбекоязычных испытуемых воспринималось как «русский человек», «простое имя», «европейское», тогда как носители русского языка связывали его с личностными характеристиками, такими как «спокойный», «надёжный», «друг».

Особый интерес представляет группа эмоционально-оценочных ассоциаций. Например, имя «Анна» у русскоязычных испытуемых вызывало реакции «добрая», «спокойная», «мягкая», а у узбекоязычных участников «простое», «приятное», «мягкое звучание». Это свидетельствует о частичной универсальности эмоционального восприятия некоторых имён. В то же время имя «Гульнара» у узбекоязычных респондентов ассоциировалось с «цветок», «красота», «нежность», тогда как русскоязычные испытуемые чаще отмечали «яркое имя», «восточное», «необычное», что указывает на различие в глубине интерпретации.

Значительную роль в формировании ассоциаций играет семантическая прозрачность имени. В узбекской лингвокультуре многие имена сохраняют ясную внутреннюю структуру и значение, что способствует формированию конкретных ассоциаций. Например, имя «Азиз» вызывало реакции «дорогой», «уважаемый», «близкий», тогда как у русскоязычных испытуемых чаще встречались реакции «необычное», «восточное», «редкое». Это подтверждает, что понимание внутренней формы имени усиливает глубину ассоциативного восприятия.

Фонетический фактор также оказывает влияние на ассоциативные реакции. Некоторые испытуемые отмечали особенности звучания имён, связывая их с определёнными характеристиками. Так, имя «Рустам» ассоциировалось с «силой», «мужественностью», «жесткостью», тогда как имя «Камил» воспринималось как «спокойное», «мягкое», «уравновешенное». Подобные реакции свидетельствуют о влиянии звуковой формы имени на его интерпретацию.

Интересным является и влияние социально-культурных стереотипов. Например, имя «Ольга» у русскоязычных испытуемых вызывало ассоциации «взрослая женщина», «учительница», «строгая», тогда как у узбекоязычных участников оно воспринималось как «русская женщина», «традиционное имя». Это подтверждает, что личные имена могут быть связаны с определёнными социальными ролями и возрастными характеристиками.

Анализ ассоциативных реакций показал, что внутри каждой лингвокультуры формируются устойчивые ассоциативные поля, отражающие коллективный опыт и культурные представления. При этом различия между узбекскими и русскими испытуемыми свидетельствуют о влиянии культурного кода на процесс восприятия. В родной культуре имя воспринимается как носитель смыслов и характеристик, тогда как в чужой культуре оно чаще выступает как маркер принадлежности.

Таким образом, результаты ассоциативного эксперимента подтверждают, что восприятие личных имён носит многослойный характер и определяется взаимодействием языковых, культурных и когнитивных факторов. Ассоциативные

реакции отражают как индивидуальный опыт, так и коллективные представления, что позволяет рассматривать их как важный источник информации о структуре языкового сознания. Сопоставительный анализ показал наличие как универсальных тенденций, так и специфических особенностей, обусловленных различиями между узбекской и русской лингвокультурами.

Полученные данные создают основу для дальнейшего анализа оценочного восприятия личных имён, который представлен в следующем разделе исследования.

Углублённый анализ ассоциативных реакций позволил выявить не только качественные, но и количественные особенности восприятия личных имён. Обобщение полученных данных показало, что распределение ассоциаций между различными типами неоднородно и зависит от лингвокультурной принадлежности испытуемых. В частности, у носителей родного языка значительно чаще фиксируются ассоциации, связанные с личностными характеристиками и эмоциональной оценкой, тогда как при восприятии имён другой культуры возрастает доля реакций, указывающих на национальную или культурную принадлежность.

Так, условный количественный анализ показал, что у русскоязычных испытуемых при восприятии русских имён около 60–65 процентов ассоциаций относятся к характеристикам личности, 20 процентов к эмоциональной оценке и лишь 10–15 процентов к культурной принадлежности. В то же время при восприятии узбекских имён доля ассоциаций, связанных с культурной идентификацией, увеличивается до 50 процентов, что свидетельствует о смене стратегии интерпретации. Аналогичная тенденция наблюдается и у узбекоязычных испытуемых.

Дополнительное внимание заслуживает анализ структуры ассоциативного поля. Установлено, что ассоциации могут быть как простыми, так и развернутыми. Простые ассоциации представлены единичными словами, такими как «сильный», «добрый», «красивый», тогда как развернутые включают целые описания, например «человек, которому можно доверять» или «девушка с мягким характером». Наличие развернутых ассоциаций чаще наблюдается при восприятии имён родной культуры, что указывает на более глубокую когнитивную обработку.

Интересным является явление стереотипизации, проявляющееся в устойчивых ассоциативных реакциях на определённые имена. Например, имя «Дмитрий» часто ассоциируется с «царской семьёй», «традиционностью», что отражает закрепившийся в культурном сознании образ. Аналогично, имя «Рустам» у узбекоязычных испытуемых вызывает ассоциации «герой», «сила», «мужественность», что связано с культурно-историческими архетипами. Такие стереотипы играют важную роль в процессе восприятия, поскольку позволяют быстро интерпретировать информацию.

Особое значение имеет анализ индивидуальных различий в ассоциативных реакциях. Несмотря на наличие общих тенденций, реакции испытуемых не являются полностью однородными. Например, имя «Анна» у одних участников ассоциировалось с «доброта» и «спокойствие», у других с «простота» или «обычность». Это

свидетельствует о том, что ассоциативное восприятие формируется под влиянием личного опыта, включая знакомство с конкретными носителями имени.

Дополнительно следует отметить влияние частотности имени на характер ассоциаций. Более распространённые имена вызывают устойчивые и предсказуемые реакции, тогда как редкие имена чаще сопровождаются неопределёнными или нейтральными ассоциациями. Например, имя «Нодира» у узбекоязычных испытуемых вызывало чёткие культурные и личностные ассоциации, тогда как у русскоязычных участников часто встречались реакции «не знаю», «редкое», «необычное». Это подтверждает зависимость восприятия от уровня знакомства с именем.

С психолингвистической точки зрения важно отметить роль механизма категоризации. В процессе восприятия имя автоматически соотносится с определённой категорией, такой как национальность, пол или социальный статус. Например, имя «Азиз» практически однозначно воспринимается как мужское и принадлежащее к узбекской или мусульманской культуре, тогда как имя «Анастасия» однозначно идентифицируется как русское и женское. Такая категоризация происходит быстро и не требует осознанных усилий, что подтверждает её автоматизированный характер.

Дополнительным аспектом является влияние межкультурного опыта. Участники, владеющие обоими языками, демонстрировали более гибкое восприятие имён. Их ассоциации чаще включали как культурные, так и личностные характеристики, даже при восприятии имён другой культуры. Например, билингвы могли воспринимать имя «Дилшод» не только как «узбекское», но и как «добрый», «открытый». Это свидетельствует о расширении ассоциативного поля под влиянием межкультурной компетенции.

Также следует учитывать роль эмоционального компонента. Некоторые имена вызывают ярко выраженные эмоциональные реакции, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. Эти реакции часто связаны с личным опытом общения с носителями имени. Например, негативный опыт может привести к формированию отрицательной ассоциации, даже если имя в целом имеет положительную культурную коннотацию. Таким образом, эмоциональный фактор является важной составляющей ассоциативного восприятия.

Важным результатом исследования является выявление того, что ассоциативное восприятие личных имён носит вероятностный характер. Это означает, что одно и то же имя может вызывать различные реакции у разных людей, однако при этом сохраняются определённые статистические закономерности. Наличие таких закономерностей позволяет говорить о существовании коллективных представлений, характерных для определённой лингвокультуры.

Таким образом, углублённый анализ ассоциативного восприятия личных имён позволяет сделать вывод о его сложной и многокомпонентной природе. Оно формируется под влиянием когнитивных механизмов, культурных факторов, социального опыта и индивидуальных особенностей личности. Сопоставление

TANQIDIY NAZAR, TAHLILIY TAFAKKUR VA INNOVATSION G'OYALAR

узбекской и русской лингвокультур показывает, что, несмотря на универсальность базовых процессов, содержание ассоциаций существенно различается, что подтверждает влияние культурного контекста на языковое сознание.

Список литературы.

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986.
3. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. — СПб.: Наука, 2002.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987.
6. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М.: Гнозис, 2002.
7. Леонтьев А. А. Основы психоллингвистики. — М.: Смысл, 2003.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2001.
9. Стернин И. А. Ассоциативная лексикография. — Воронеж, 2004.
10. Телия В. Н. Русская фразеология. — М.: Языки славянской культуры, 1996.
11. Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира. — М.: Институт языкознания РАН, 2000.
12. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. — М.: Флинта, 2005.
13. Шахнарович А. М. Психоллингвистика. — М.: Лабиринт, 2001.
14. Mirzayeva G. Linguocultural Features of Uzbek Anthroponyms. — Tashkent, 2023.
15. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. — Oxford: Oxford University Press, 1992.